

происшедшее вчера, я пришелъ къ убѣжденію, что у меня черезъ-чуръ холодная и черствая натура для тихихъ радостей семейной жизни. Въ ту минуту, когда вы получите это письмо, я уже буду на дорогѣ въ Петербургъ. Простите меня. Надѣюсь, что вы и сами не пожалѣете обо мнѣ. Не правда ли? Скажите: да, не пожалѣю. Это меня облегчить.“

Она не проронила ни слова жалобы, но побѣлѣла какъ полотно. Затѣмъ, положила письмо въ конвертъ и спрятала его въ шкатулку, гдѣ лежали вещи, почему-либо напоминавшія ей сравнительно хорошія минуты жизни. Въ числѣ этихъ минутъ, та, о которой говорилось въ этомъ письмѣ, все-таки была лучшая.

Отецъ, повидимому, уже зналъ, что отъ Семигорова пришло письмо, и когда она пришла къ нему, то онъ угадалъ содержаніе письма и сердито, почти брезгливо крикнулъ:—Забудь!

Но она не забыла. Каждый день по нѣскольку разъ она открывала завѣтную шкатулку, перечитывала деревянное письмо, комментировала каждое слово, усиливаясь что-нибудь выжать. Можетъ быть, онъ чѣмъ-нибудь связанъ? можетъ быть, эта связь вдругъ порвется, и онъ вернется къ ней? вѣдь онъ ее любитъ... иначе зачѣмъ же было говорить? Словомъ сказать, она только этимъ письмомъ и жила.

Жизнь становилась все унылѣе и унылѣе. Наступила осень, вечера потемнѣли, полились дожди, паркъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнажался; потомъ пошелъ снѣгъ, настала зима. Прошлый годъ обѣщаль повториться въ мельчайшихъ подробностяхъ, за исключеніемъ той единственной свѣтлой минуты, которая напоила ее сердце радостью...

Въ полной и на этотъ разъ уже добровольно принятой бездѣятельности она бродила по комнатамъ, не находя для себя удовольствія даже въ чтеніи. Въ ушахъ ея раздавались слова: „нѣтъ, вы не бѣдная, вы—моя!“ Она чувствовала прикосновеніе его руки къ ея тали; поцѣлуй его горѣлъ на ея губахъ. И вдругъ, все пропало... куда? почему?

Отецъ нѣсколько разъ предлагалъ ей ѣхать въ Петербургъ къ теткѣ, но она настаивала въ своемъ упорствѣ. Теперь ужъ не представленіе о долгѣ приковывало ее къ деревнѣ, а какая-то тупая боязнь. Она боялась встрѣтить его, боялась за себя, за свое чувство. Навѣрное, ее ожидаетъ какое-нибудь жестокое разочарованіе, какая-нибудь новая жестокая игра. Она еще не